Р. Х. Симонян

Истоки нынешних массовых настроений в России

СИМОНЯН Ренальд Хикарович — главный научный сотрудник Института социологии РАН, руководитель Российско-Балтийского центра, доктор социологических наук (e-mail: sim@isras.ru).

Аннотация. В статье анализируется состояния массового настроения современного российского общества и обоснованию причин его формирования.

Ключевые слова: ваучерная приватизация, европейская норма ответственности лидера, монологическая коммуникация в политике, общественное сознание, общественное настроение, экономические реформы 1990–х годов.

Крушение коммунистических режимов ознаменовало начало трансформационных процессов перехода от планово-распределительной экономики к открытой и свободной рыночной, перехода от тоталитарных и авторитарных режимов к демократическим. В Европе этот путь проделали все страны социалистического лагеря. Это был естественный и ожидаемый результат общественной трансформации. Возникшая, и ставшая доминирующей в народном хозяйстве, частная собственность и, высвобожденная из жёстких тоталитарных оков, частная инициатива во всех постсоциалистических странах Европы послужила мощным импульсом для политического и социально-экономического развития этих стран.

Руководители новой России в начале 1990–х годов так же провозгласили в качестве цели общественных преобразований построение демократического государства со свободной рыночной экономикой, что соответствовало и надеждам населения России, и ожиданиям населения передовых государств. У новой России были хорошие шансы достичь поставленной в момент её рождения в 1991 году цели — стать демократическим государством с эффективной экономикой. К сожалению, этого не произошло. В результате реформ была создана простейшая экономическая модель, суть которой заключается в продаже национальной природной ренты. За пореформенные годы в России были разрушены многие высокотехнологичные предприятия,

но не было построено ни одного нового предприятия, оборудованного конкурентоспособной отечественной техникой. В 2009 г. это факт подчеркнул заместитель главы Администрации Президента РФ В. Сурков: «Не будем забывать, что мы живём на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало что сделали сами»[1].

Известен и тот урон, который понесла социальная сфера общества. Исследование, проведённое Институтом социологии РАН летом 2008 г. показало, что более трети населения России живёт за порогом или на грани бедности, а 7 % находятся в состоянии крайней бедности, глубокой нищеты. Ещё 14 % бедных фактически также прочно «застряли» в этом состоянии. Кроме того, 17 % населения пребывает в состояние постоянного риска бедности, хотя пока им удаётся удерживаться «на плаву», балансируя на грани бедности и малообеспеченности, и численность этой «группы риска» возрастает.[2] В результате реформ 1990–х гг. произошла депопуляция населения. Если в 1990 году рождаемость в России составила 1989 тыс. чел., то в 2000 году — 1264 тыс. чел., смертность на 1 тыс. человек населения в 1990 году была 11,2, в 2000 году стала 15,5. В 1990–е годы появилось унизительное для великой страны явление — «утечка мозгов». Выезд россиян из своей страны с каждым годом приобретает всё более широкий характер. В мае 2008 г. — а это период наивысшего притока нефтедолларов в государственный бюджет — ВЦИОМ провёл репрезентативный опрос взрослого населения России. Оказалось, что 38 % опрошенных предпочитали, чтобы их дети уехали из России на постоянное место жительства в другие страны.[3] По данным руководителя Счётной палаты РФ С. Степашина, в 2010 году из России выехало 1 млн. 250 тыс. человек.

В 1990-х годах отчуждение населения от власти, характерное для тоталитарного режима, было не только не преодолено, но стало более значительным. «Как человек, который с 1990 года участвует в государственном управлении в России, — свидетельствует директор института проблем глобализации, доктор экономических наук Михаил Делягин, — могу сказать, что за 7 лет наши демократы оторвались от основной массы населения гораздо сильнее, чем коммунисты за прошедшие 70 лет!»[4] Понятие «демократия» давно исчезло из лексикона представителей власти. К политической системе общества тесно примыкает её правовая составляющая. За 20 пореформенных лет судебно-правовая система стремительно деградировала. Она не только не сохранила советскую декоративную независимость суда, и столь же декоративный официальный авторитет, но приобрела устойчивый ярлык коррумпированности, что признают и сами руководители страны. Более того, исчезла

---

[1] Мир и политика. — 2009. — № 12. — С. 30.

[2] Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. — М. , 2008. — С. 178 – 179.

[3] Аргументы и факты. — 2008. — № 21. — С. 7.

[4] Капиталист. — 2004. — № 9. — С. 6.

возможность и внесудебной защиты. Если раньше гражданин мог апеллировать в партийные органы (от райкома до ЦК), обратиться за помощью в печать (в газету «Правда, например), и знал, что на его обращение обязательно последует какая-то реакция, а иногда и помощь, то сегодня ничего этого нет.

Российские реформаторы, настойчиво подчёркивая, что их не интересуют источники получения собственности, тем самым отменили моральные ограничения. Криминальная приватизация подняла мощный вал преступности. Уголовные сообщества начали расти как грибы. Уже к середине 1990-х гг. некоторые преступные группировки были известны в стране не меньше, чем новые банки и корпорации. В январе 1995 г. на территории России действовали более 15 тыс. криминальных групп (в 1990 году их было менее 50)[1]. Уже в самом начале своего президентства В. Путин, выступая на коллегии Генпрокуратуры, констатировал, что «значительная часть российской экономики находится под контролем организованных преступных группировок».[2]

«Современное российское общество — это больное общество, — пишет в «Российской газете» В. Кичин, — и все наши усилия по подъёму экономики, боевого духа растерянной армии и патриотических настроений в обществе будут абсолютно бессильными, пока мы не поймём и не начнём лечить главную причину недуга — всеобщее падение морали»[3]. К этому следовало бы добавить то обстоятельство, что в памяти народа долго ещё будет сохраняться горькое осознание того, чéм закончился его порыв в 1989–1991 годах к общественным переменам. Растерянность общества, возникшая от реформ, утрата каких-либо форм социальной солидарности, социальное разобщение, социальное разочарование, которое постоянно усиливается — это один из основных социально-психологических итогов трансформации российского общества в 1990-х гг.

Сегодня в связи с 20-летием российской реформации вопрос о том, почему результаты реформ, начатых в 1992 годы, оказались, по словам академика О. Богомолова, у нас «столь драматическими, прямо противоположными, чем в других странах, и больших, и малых, как европейских, в том числе и постсоциалистических, так и азиатских»[4], всё больше привлекает внимание научного сообщества.

В массовом сознании 1990-е годы являются периодом, когда в России был совершён коррупционный прорыв, и не был совершён прорыв модернизационный. Невроз идентичности, вызванный примитивизацией экономики, отсутствием за все пореформенные годы каких-либо попыток модернизации

---

[1] *Гилинский Я.* Организованная преступность в России: теория и реальность. — СПб, 1996. — С. 77.

[2] Комсомольская правда. — 2002. — 28 марта.

[3] *Кичин В.* Мы перестали быть семьёй // Российская газ. — 2003. — 23 окт.

[4] *Богомолов О.* Постсоциалистические страны в условиях глобализации. — М., 2001. — С. 9.

производства, не мог не привести к определённой ущербности общественной психологии. Как и всякая социальная травма, модернизационная несостоятельность нашей страны породила множество внутренних коллективных мифов, закрепивших нерешённые проблемы и комплексы ущемлённости, социально-культурной неполноценности, фатальной отсталости. Невозможность «вхождения в Европу», продемонстрированная постсоветским периодом, создала ложное самопредставление этноса о роковой его неспособности к модернизации, вечном отставании. Тезис, высказанный Ю. Афанасьевым, А. Давыдовым и А. Пилипенко, что «социальной силы, способной противостоять такой лавине обрушения и осуществить поворот к подлинной модернизации общества в современной России нет, и появление её не предвидится», и что «в общественных настроениях господствует опасное нарастание энтропии»[1] разделяют многие отечественные обществоведы.

Если 1920-е и 1950-е годы дали российскому этносу увидеть реальный модернизационный прорыв и показали способность нации к нему, то 1990-е годы показали и доказали обратное. И, к сожалению, многих даже убедили в этом. Поразившее общество нынешнее неверие в способность страны к модернизации — это ещё одна травма, нанесённая реформами 1990-х годов.

Одна из главных составляющих нынешней ситуации в сфере общественного настроения связана с психологическими травмами, полученными россиянами за последнее двадцатилетие и во многом определившими общественную атмосферу. Распад в одночасье великой страны, грандиозный ваучерный обман, усиливающееся техническое отставание и, что особенно важно, пережитое внешнеполитическое унижение, когда с Россией перестают считаться, и, наконец, сознание собственного бессилия в том, чтобы что-то изменить. «Стержнем экономических реформ, проведённых правительством Гайдара, — пишет академик Т. Заславская, — была приватизация, позволившая новой российской номенклатуре практически бесплатно присвоить основную и наиболее перспективную часть государственной собственности»[2]. Александр Солженицын дал российским реформам свою оценку: «Чубайс философствовал тогда, что никогда в мире не видели такой быстрой приватизации. Так буквально и есть. Таких идиотов нигде в мире больше не было. С огромной скоростью раздали за бесценок наши благословенные недра: нефть, цветные металлы, алмазы, уголь; производство. Ограбили Россию до нитки»[3].

В связи с оценкой приватизации 1990-х годов необходимо подчеркнуть её этическую сущность. Следует согласиться с академиком Л. Абалкиным в том, что если исключить нравственно-этический фактор из социологиче-

---

[1] *Афанасьев Ю., Давыдов А., Пилипенко А.* Вперёд нельзя назад! // Континент. — 2009 — № 3. — С. 213.

[2] *Заславская Т. И.* Избранные произведения : В 3 т. Т. 2. Трансформационный процесс в России : в поиске новой методологии. — М. : Экономика, 2007. — С. 270.

[3] Московский комсомолец. — 2004. — 11 июня.

ского анализа, то нельзя будет получить объективное представление о процессе приватизации в России, да и вообще об экономической реформации России 1990-х годов.[1] На общественное настроение, возникшее после 1990-х годов, оказали решающее влияние вовсе не материальные потери, как бы они не были велики, а обман. Социальный пессимизм и апатия, господствующие в нынешней России, своим источником обязаны не столько ограблению населения, сколько этому осквернению души. Для сознания русского человека духовно-нравственная ценность традиционно более значимая категория, чем ценность материальная. Ограбление со временем может забыться, но публичное унижение — иная категория, она остаётся в памяти народа. Это — глубокий шрам, который постоянно напоминает о себе.

Нынешнее обращение к величию своей истории во многом объясняется реакцией на тот морально-психологический шок, который Россия испытала в 1990-х годах. Стыд за свою страну, преследующий россиян в последние годы, неизбежно должен был вызвать стремление чем-то компенсировать горечь этого переживания.

Характер и поведение народа можно отождествлять (и моделировать) с характером и поведением индивидуума. На это ещё указывал Т. Гоббс, когда писал, что «народ есть нечто единое, он обладает единой волей, ему может быть предписано единое действие»[2]. Оценивая и прогнозируя человеческие поступки, необходимо понимать и учитывать их психологическую основу, эмоциональное состояние, в котором действует человек. В правовой сфере существует понятие «аффект». К находящемуся в аффекте человеку закон менее строг, т.е. правосудие проявляет милосердие, учитывая и психическое состояние, в котором он оказался, и приведшие к этому состоянию обстоятельства.

Период, который сейчас переживает Россия, действительно, не лучший в её истории. Такие периоды в жизни большого народа аккумулируют в нём отрицательную энергетику. С одной стороны, этнос ищет способ выхода этой энергии, а, с другой, стремится понизить внутренний дискомфорт, уравновесить или хотя бы в какой-то мере ослабить ощущение груза неудач. Чем больше этнос, тем больше потенциал этнической активности в этом направлении. Так, компенсаторная функция в самосознании немцев после поражения в первой мировой войне, а затем унизительных условий Версальского договора привела к известным последствиям. Унижение народа, и, тем более, великого народа содержит риск возникновения глобального социально-политического кризиса. Ситуация, в которой оказались в 1920-х годах немцы, в массе своей безработные, голодные, вынужденные платить гигантские контрибуции, неизбежно сублимировала общественный невроз в обществен-

---

[1] См. : *Абалкин Л.* Выбор за Россией. — М. , 1999. — С. 173.

[2] *Гоббс Т.* О гражданине // Избранные произведения : В 2 т. Т. 1. — М. , 1964. — С. 372.

ную агрессию. Но если у немцев объект агрессии был внешний — государства Антанты, и, прежде всего, Франция, то у русских ситуация иная. Положение, в котором оказалась нынешняя Россия, — результат деятельности не каких-то зарубежных, а своих собственных руководителей. Неважно, с какого момента отсчитывать — с горбачёвской перестройки или с «лихих 1990-х».

Вот мнение эстонского политолога Катрин Лийк, которое она высказала в 2007 году на одной из авторитетных дискуссий, организованной Московским Фондом «Либеральная миссия»: «Мне довелось в течение шести с половиной лет работать журналистом в России. Внимательно наблюдая за тем, как происходили здесь постсоветские реформы, я много размышляла о российском правящем классе. И поняла, что едва ли не решающую роль в определении стратегического вектора развития страны играют люди, которые эти реформы начинают. Думаю, что готовых и способных строить демократию, в России не оказалось. Эстонии в данном отношении повезло больше»[1].

Можно согласиться с К. Лийк, что Эстонии повезло, а России не повезло с реформаторами, но никак нельзя согласиться с тем, что в отличие от маленькой Эстонии в огромной России людей готовых и способных строить демократию не было. К сожалению, сложившееся в 1990-х годах представление о России, как стране, характеризующейся отсутствием людей, которые по своим человеческим качествам соответствуют высокой цели общественных преобразований, а, главное, готовы эти качества использовать на благо своего народа, разделяют многие представители западного истеблишмента, в особенности соседних с Россией восточноевропейских государств. Действительно, таких авторитетных, честных и ответственных за судьбу своего народа, как Дэн Сяопин в Китае, Альгирдас Бразаускас в Литве, Эдгар Сависаар в Эстонии, Владимир Мечьяр в Словакии, Лешек Бальцерович в Польше, Вацлав Гавел в Чехии на российском политическом олимпе в 1990-годах не оказалось. Но вовсе не потому, что в России не было такой породы управленцев.

Разумеется, люди не ангелы, и к любому человеку всегда можно предъявить те или иные претензии, к тому же люди могут меняться под влиянием различных обстоятельств. Так же как из любого порядочного человека масс-медиа легко могут создать в общественном мнении чудовищного монстра, о чём ещё в позапрошлом веке блистательно написал Марк Твен. Но взгляд на Россию как на страну, где честные политики отсутствуют по определению, исходит или из крайней политической наивности, или из столь же крайней неприязни к нашей стране. Конечно же, умных, честных и энергичных людей, способных руководить страной в начале 1990 г. в России было немало. Но они не были востребованы, потому что не вписывались в задуманный сценарий, и если они всё-таки попадали на высокие государственные посты, правящая

[1] Путь в Европу / Под общей ред. И. Клямкина, Л. Шевцовой. — М. , 2008. — С. 25.

верхушка их немедленно отторгала. К. Лийк, как и многие другие западные аналитики, не учла особенностей кадровой селекции в новой России.

Вот, например, как писал В. О. Ключевский о российских государственных деятелях XVII века — кануна петровских реформ: «...в борьбе с самими собой, со своими привычками и предубеждениями они одержали несколько важных побед, облегчивших эту борьбу дальнейшим поколениям. Это была их бесспорная заслуга в деле подготовки реформы. Они подготовляли не только и не столько саму реформу, сколько самих себя, свои умы и совести к этой реформе»[1]. В том, что нравственные качества руководителей России, при переходе от тоталитарного строя к демократическому, оказались значительно ниже, чем при переходе от Средневековья к Новому времени, не было никакого внешнего вмешательства. Первый президент России и его правительство реформаторов — это созданная нами самими проблема.

Но агрессия по отношению к себе — качественно иная, более сложная категория. Её особенность в том, что она, в конечном счёте, в той или иной форме выльется в агрессию к другому. Человек инстинктивно стремится избавиться от ощущения собственной вины. В психологии это называется вытеснением из сознания личности неблагоприятной для неё информации. Сегодняшняя Россия характеризуется стремительным ростом ксенофобии. Даже к таким же советским аутсайдерам — таджикам, узбекам, молдаванам, не говоря уже об африканцах-студентах российских вузов, обучение которых пополняет местный бюджет. Агрессия оформляется в соответствующие доктрины. Идеология наиболее радикальной части русской националистической молодёжи, среди которых немало студентов-старшекурсников ведущих российских вузов, содержит очевидный парадокс. Они согласны, что положение, в котором оказался русский народ — результат деятельности своих.

Порождённый реформами 1990-х годов комплекс острейших социальных проблем в силу естественной психологической самозащиты стал приобретать этническую окраску: «это они, чужие — воруют, скупают квартиры, распространяют наркотики, плодят коррупцию и завозят болезни». С другой стороны, в процессе российского самосознания притягательной для молодого поколения становится идея «мы должны стать хозяевами страны». Социологические исследования советского периода показывали, что этническое самосознание русских было выражено слабее, чем у народов других союзных республик. Но с конца 1990-х годов ситуация резко изменилась: по темпам роста этнического самосознания русские стали опережать большинство других этнических групп. Особенно это характерно для подрастающего поколения. «Молодые люди, начавшие самостоятельно зарабатывать, очень остро переживают униженное состояние, в котором оказалась Россия, — считает проф. А. Арбатов, — и в плане материального благополучия, и в плане того, как с нею

[1] *Ключевский В. О.* Сочинения. — М. , 1988. — С. 337.

считаются за рубежом. В качестве ответной реакции возникает: ладно, нас не любят, но пусть хотя бы боятся. Молодой российский бизнес является носителем в высшей степени националистических настроений. Диапазон этих настроений у нас широк: от государственного до прямого расизма и ксенофобии, до убийств на этнической почве. При этом никого всерьёз не наказывают, как не наказывают даже за фашистские выходки»[1]. Тревожное социальное явление сегодня уже становится всё более заметной и всё более опасной тенденцией.

Существует более широкая основа для ксенофобии. Неблагополучные люди испытывают естественную неприязнь к благополучным. Эта неприязнь возрастает, если неблагополучные не использовали свои возможности стать благополучными. Возрастает многократно, если эти возможности были очень большими (все понимают, что природные ресурсы России несопоставимы с природными ресурсами Западной Европы). Возрастает ещё больше, если разница между благополучными и неблагополучными увеличивается и т.д.

Ещё более острая боль в том, что ближайшие соседи (а теперь уже не только страны Балтии, но и Казахстан) нас опережают. Грузия, которая ещё в 2007 году представляла собой весьма жалкое зрелище деградирующего государства: мизерные пенсии у стариков, сбежавшая в другие страны активная часть населения (только в Россию около миллиона), отсутствие в городах воды, отопления, электричества, сегодня демонстрирует достижения в социально-экономическом развитии.

Свежие раны от неудач последних двадцати лет напомнили о старых, ещё не заживших. Частой причиной бед может быть излишняя доверчивость человека. Это относится и к этносам. Наряду с многими другими привлекательными чертами свойственные русскому этносу, такие его качества как широта, открытость и доверчивость, высоко ценимые представителями других этносов, могут быть успешными в повседневной жизни, но перенесённые в общественно-политическую жизнь последовательно ввергают нас в периодически повторяющиеся депрессии.

В 1917 году пошли за большевиками, уверовав, что строят всеобщее благополучие. Поверили Н. С. Хрущёву, который на XX съезде КПСС в 1955 году показал, что сталинский путь был и ошибочным, и преступным, и предложил свой. Затем был Л. И. Брежнев, отстранивший Хрущёва за его метания и зигзаги, и успокоивший общество, дав ему долгожданную стабильность, постепенно перешедшую в длительный и глубокий застой. С огромным энтузиазмом приняли М. С. Горбачёва, который покончил с застоем и обещал реформировать страну. Через шесть с половиной лет с ещё большим энтузиазмом и беспрецедентными в нашей истории доверием и надеждами своими собственными руками поставили во главе страны Б. Н. Ельцина, который, в отли-

[1] Независимая газ. — 2004. — 28 июня. — С. 7.

чие от Горбачёва, не только говорил о реформах, но и стал их стремительно осуществлять, в результате чего люди почувствовали себя как никогда раньше ограбленными, униженными и опозоренными. А. Солженицын, анализируя этот период, заметил, что в 1990-х годах руководство России словно задалось целью доказать, что нет такой ситуации, из которой нельзя было бы выйти с позором.

Народ, четыре поколения которого раз за разом убеждаются в том, что поверили не тем, делали не то, шли не туда, что опять совершили очередную ошибку, не может не заслуживать если не снисхождения, то, по крайней мере, понимания и сочувствия.

Глубокую травму получила интеллигенция, которая, наивно поверив в реформы, практически утратила свой моральный статус в обществе, оказалась в состоянии своеобразного социально-психологического нокдауна. Социологи единодушно фиксируют очевидный упадок этой социальной группы. «Сегодняшнее острое ощущение деградации слоя «культурных людей», «интеллигенции», «образованного сообщества» и т.п., произошедшей в последние 15 лет, — пишет руководитель Левада–Центра Л. Д. Гудков, — связано не только с фактической утратой ими авторитета, их «неслышностью», или невлиятельностью в рыночной экономике… Широко распространённое принятие, если не одобрение, ельцинского, и в ещё большей степени — действующего режима лишило интеллигенцию внутреннего самооправдания,.. морального смысла существованию образованных»[1].

Среди думающей части общества усиливаются настроения безысходности, этнической и исторической предопределённости наших неудач, которые связываются с «российской спецификой», «особым путём», татаро-монгольским нашествием, длительном крепостничестве, «неевропейской ментальностью», «загадочностью русской души» и прочих подобных сюжетах. В мучительной рефлексии многие обществоведы пытаются не только в недавнем советском, или даже монархическом прошлом, но и в глубокой древности найти истоки нынешних неудач. Сегодня это конструирование оправдательной «социально-исторической реальности», вызванное итогами реформ, переходит уже в массовое национальное самоедство. В чём действительно существует серьёзное различие нынешней России от иных стран, так только в том, что ни один из постсоциалистических народов не испытал столь глубокую нравственно-психологическую травму, которую пришлось пережить россиянам в 1990-х гг.

Даже очень талантливый человек, обладающий не только богатым воображением, но и богатыми материальными ресурсами, может оказаться неустроенным, если у него не развиты аналитические способности, если он не может извлечь уроков из своих ошибок. В России главные для её развития вопро-

[1] *Гудков Л. Д.* Неклассические задачи социологии: «Культура» и мораль посттоталитарного общества / Пути России: культура-общество-человек. — М. , 2008. — С. 37.

сы, — кто виноват? что делать? — поставленные её лучшими умами в середине XIX века, сегодня вызывают различное отношение. Если второй воспринимается всё же всерьёз, то к первому отношение, ироническое, даже презрительное. Существует некий общественный договор вообще не ставить этот вопрос. Почему? Ведь, по сути, поиск ответа на него означает призыв обществу к ответственному анализу произошедшего. Возможно, взывать к ответственности не так увлекательно, и не так безопасно, как планировать, и, особенно, прогнозировать, а ещё лучше просто воображать очередное светлое будущее, — здесь мало кто может с нами сравниться. Если вопрос «кто виноват?» по нашей школьной оценке на большее, чем удовлетворительно с минусом не тянет, так как ресурсно не обеспечен, то вопрос «что делать?» — заслуживает отличную оценку, здесь ресурс практически неограничен, ибо в основном предполагает полёт фантазии. Но эти два вопроса тесно увязаны, неразделимы. Они в концентрированном виде составляют исходную государственную программу, единство которой нельзя разрывать. Правильного ответа на второй вопрос не найти, если не получить исчерпывающего ответа на первый. Определение вины — это фиксация и изучение допущенных просчётов и ошибок, исследование условий их возникновения, и, следовательно, поиск гарантий от их повторения в будущем. Определение вины — это персонификация ущербных управленческих решений, приведших к отрицательному результату, их объективный и всесторонний анализ, иначе нельзя обеспечить ответственность за их принятие. Определение вины — это обязательное условие извлечения выводов из любой случившейся аварии, и, прежде всего социальной, в целях её предотвращения. Полноценный и своевременный ответ на вопрос: кто виноват? означает отказ общества от монологической коммуникации в политической сфере. Ответ на него является не только поиском и анализом причин по существу, актом страхования нации от проигрыша в мировом соревновании. В России этот механизм самозащиты общества блокирован сложившейся традицией, здесь никогда этого не делают, и поэтому постоянно наступают на одни и те же грабли.

В России не принято, чтобы глава государства или глава правительства отчитался за свою работу, что на практике означает полную отмену ответственности. Здесь глава государства заранее ограждён от неудобных для него вопросов масс-медиа, нет традиций общественного обсуждения его решений. Особенно это ярко проявилось в самом простом и самом для всех очевидном — в произволе руководителей государства с территорией государства.

Вот только некоторые из них. Большевики во главе с В. Лениным в 1920 году отдали Турции (побеждённой стране!) существенную часть российского государства. Это была вся Западная Армения — три четверти территории республики. В конце 1920-х присоединили всё российское левобережье Днепра к Украине. В 1930 году И. Сталин сделал осетинский народ разделённым, передав Южную Осетию в состав Грузии. В 1957 году Н. Хрущёв

сделал царский подарок Украине — Крым. М. Горбачёв и Э. Шеварднадзе в 1990 г. отдали США значительную часть Берингова пролива с его рыбными запасами и полезными ископаемыми на дне моря. «Намного ли сплотил оба государства такой подарок?» — задаёт в связи с этим вопрос заместитель директора Института Европы РАН, проф. В. П. Фёдоров и отвечает: «Ни насколько. По сути, мы имеем дело с предательством по отношению к своей стране»[1].

К сожалению, не сложилась в нашей стране практика анализа подобных казусов или их оценки на государственном, на общественном, на какомлибо другом уровне. Нет, даже не наказания, а просто объективного общественного рассмотрения. Кроме неудачной попытки объявления импичмента в 1997 году первому президенту России Б. Ельцину, что могло бы стать историческим прецедентом, в этом аспекте российской политической жизни пока ещё tabula rasa. Катастрофические провалы руководителей в российском обществе не только не осуждаются, но даже не обсуждаются. Может быть, именно потому, что общество чувствует свою вину. Локус контроля связан с самозащитой личности. Человек инстинктивно избегает самопризнания в том, что его незавидное положение — результат собственных заблуждений, просчётов, ошибок. Иногда их тяжесть столь велика, что становится невыносимой для человека. Осознание собственной вины может привести к острому психологическому дискомфорту, и даже к суициду. В этой ситуации найти виноватого на стороне — значит освободиться от давящего пресса собственной вины. Гнев на себя, переключённый на другого, является самозащитой личности от саморазрушения. Действительно, зачем предъявлять претензии своим руководителям (а, значит, себе), когда их можно адресовать чужим. В декабре 1991 года президент РФ Б. Ельцин вместе с президентом Украины Л. Кравчуком собирался подписывать Беловежские соглашения о ликвидации СССР. Реальной становилась мечта украинской партийной номенклатуры самим руководить своей республикой. Кто Б. Ельцину мешал в тот момент поставить вопрос о возвращении Крыма России? Он этого не сделал. Кто мешал ему в августе 1991 года в качестве условия признания независимости Латвии и Эстонии потребовать равных гражданских прав всем жителям этих республик? Он этого не сделал. В течение всех 1990-х годов нигде и никто в России не предъявил ни ему, ни его окружению никаких претензий за эти… назовём это ошибками. Более того, об этом даже как-то не принято вспоминать. Зачем спрашивать со своих? Гораздо комфортнее и почётнее предавать анафеме латышских и эстонских национал-радикалов за дискриминацию русских, а украинское руководство за то, что оно украинизирует Крым и чинит препятствия российскому флоту в Севастополе.

Монологическая коммуникация, когда из зоны критики выводится сначала царь, затем руководитель коммунистической партии, а теперь президент —

[1] *Фёдоров В.* Есть ли друзья у России, и нужны ли они ей? // Современная Европа. — 2004. — № 4. — С. 18.

традиция, которая противопоставляет Россию Западу и которая препятствует нашему общественному развитию. Пока в России не будет введена в практику обязательная правовая норма ответственности своего высшего чиновника за неквалифицированное решение, повлекшее существенный ущерб национальным интересам страны, россияне по-прежнему будут обречены на безответственных руководителей.

Ответственность государственных деятелей в нынешней России — понятие чрезвычайно умозрительное. Возможно, именно поэтому сегодня здесь так много охотников брать её на себя. С ответа на вопрос «кто виноват?» начинается процесс иммунизации общества от произвола и безответственности власти. Но в нынешнем российском дискурсе попытки запустить этот процесс вызывают раздражение, для этого случая найдено даже специальное словечко-табу — «проехали». Проехали, следовательно, запрещено к этому возвращаться. Но если не персонифицирована ответственность, то, следовательно, виноваты все. Вечно виноватый этнос — это психически ущербная и политически неустойчивая общественная субстанция. Всё это в значительной мере объясняет, почему в настоящее время атмосфера в российском обществе стала ещё более подавленной: к накопленному в XX веке грузу исторических неудач последнее двадцатилетие добавило совсем уж неподъёмную тяжесть.

Список литературы

1. *Абалкин Л.* Выбор за Россией. М., 1999.
2. *Гилинский Я.* Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб, 1996.
3. *Богомолов О.* Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М., 2001.
4. *Полеванов В.* Технология великого обмана. М., 1995.
5. Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2008.

© Симонян Р. Х., 2011